

СТАРАЯ ОЦОВСКАЯ РУБАХА

Весной, когда наступал май, шла пахота, а за ней посадка огородов, снова хотелось жить и надеяться на что-то хорошее, начиналась приборка родного дома и двора.

Мне почему-то всегда нравилось прибираться в подполье. Овощи и соленья практически все были съедены к этому времени. Остальное всё в погребе, ему тоже настанет свой черёд в подготовке к новому урожаю. Подполье тщательно выметалось, где надо подбеливалось известью, а из фундамента выбивались зимние заглушки для продува и просушки.

И загулял сквознячок, просушивая всё нутро родного жилища.

И на этот раз со стороны палисадника я вытащил из фундамента туго свёрнутую из какого-то тряпья заглушку и откинул в сторону. Сунул в отверстие руку, с удовольствием чувствуя, как весенний тёплый воздух потянул в подполье. Отец топтался рядом, пыхая сигаркой, и собирал граблями весенний мусор в палисаднике.

Совсем постарел батя, подумал я, и толкнул заглушку ногой в сторону. Она развернулась, и я узнал с раннего детства знакомую мне отцовскую нижнюю шерстяную поддёвку. Проще говоря, рубаху-вязанку. Я помнил её столько, сколько помнил себя в этом мире. Потому что родился

сразу после войны, когда батя пришёл с фронта. Развернув эту семейную реликвию пошире на земле, я окликнул отца:

– Батя, а батя, смотри сюда – твоя нижняя шерстяная рубаха! Ещё вполне терпимая для носки, сполосни и одевать можно, – засмеялся я.

Отец скосил свой единственный глаз на «заглушку» и прохрипел:

– Я, сынок, её уже споласкивал от крови под Сталинградом... Ведь я её с убитого немецкого офицера после боя снял. Постирал в овражке, там лужица была, просушил на стволе пушки и носил всю войну. И Берлин в ней штурмовал.

Я обомлел и еле выдавил из себя:

– Да ты что, батя, ты же всегда говорил, что это тебе после войны в военкомате «американскую помощь» дали...

– Малец ты был тогда, сынок, – отец пошлепал губами, раскуривая погасшую «Приму». Бой был, помню, страшный. Думал, что не устоим. На картофельном поле мы с ними хлестались. Пушка в грязи, снаряды в грязи, а танки идут и идут. Мы бьём прямой наводкой, а они идут и идут, и пехота немецкая за ними. И офицерик этот с парабеллумом тоже шёл. Кожан на нём, фуражка, бурки фетровые...

Веришь, я тогда один раз в жизни подумал: хоть бы убило меня поскорее, господи...

Морскую пехоту нам на подмогу кинули, а то прорвались бы гады. Я уже и гранаты приготовил на этот случай.

Ну и после боя пошли мы работу свою осматривать. Гляжу, лежит офицер тот на склоне оврага, кровью залитый. В башку его зацепило. А на нас, сынок, уже вся одежда от грязи, пота и давности поистрепалась, истлела.

Как в Новосибирске одели, когда призывали на фронт, так и воевал в том. Сами всё добывали себе. Вот и раздел я офицера. Всё снял! Всё добротное было. И парабеллум забрал. Кожан у старшины на хорошую шинель и гимнастёрку сменял. Бурки вместо солдатских обмоток надел и вперёд – за Родину, за Сталина. Так-то, мой родной.

Ты четок-то привёз мне сегодня? И не задумывайся обо всём об этом. Война, сынок, была – не дай Бог. И я его к нам не звал, фашиста этого. Не я, так он бы меня! А с меня и снять-то нечего было. Одна Родина за душой.

СОЦСОРЕВНОВАНИЕ

«Дык, дык, дык...» – раздавалось над тихшей улицей нашего посёлка. Гуси, тревожно подняв головы, заковыляли к своему подворью. При этом под шумок гусак тёти Шуры получил пинка в бок. Это за то, что он буквально заедал нас, пацанов, не давая никому проходу.

Мы все подтягиваемся к дороге. С низов нашей улицы устало катятся с совхозных полей два довоенных трактора марки «Путиловец». Они все состоят из железа. Даже сидения, и те железные. Кабины отсутствуют.

Содрогаясь от усталости, эти два железных монстра наконец появляются из-за соседнего дома.

На первом, как идол, восседает Колька Суховольский, а на втором, слившись со всей нехитрой конструкцией агрегата, сидит Ванька Прищепка. Это наши авторитеты. Ещё недавно они сами были пацанами. А теперь они работают! И работают не на «му-му», так мы называли бричку, запряжённую парой быков, а на тракторах. А это вам не быкам хвосты крутить.

И Колян, и Ваньке было по шестнадцать лет, и уже с четырнадцати они сели на холодные сиденья своих тракторов и пахали совхозные поля.

Они имели возможность с полочки покупать сразу по десять пачек папирос. И старшие из нас частенько угощались у них «Севером» или «Беломором». В общем, всё шло, как и надо! Как могли, так и росли. Можно по-всякому судить о том ушедшем времени. Одно знаю точно: ни о какой безработице и мечтать было невозможно. Бывало, такие пацаны в школе начинают шустрить с дисциплиной и учёбой, а тут рядом шахта и совхоз... Смотришь, заходили в помощниках слесарей наши ребята. А потом и на разряды сдают, в вечернюю школу пошли, потом армия, поженились. Глядь, а уже и строятся потихоньку, на Доске почёта замелькали портреты.

Трудовой посёлок один авторитет признавал – умение трудиться!

Алым цветом полыхало в то время соцсоревнование в рабочих коллективах, профиль Ленина, похожий на профиль Спартака, сиял на солнечных дисках во всевозможных оформлениях.

Доски почёта, торжественные встречи ударников, вручение наград – всё это гремело и украшало нашу обыденную жизнь.

Вот и рассказал мне мой хороший знакомый, поседевший и износившийся на работе Николай Суховольский, историю, от которой стоит в горле ком.

– Вот ты, Митрич, сроду гыгыкаешь надо мной, – начал он, – хоть и уважаешь, чую я, а не знаешь, как Ванька Прищепка однажды свой трактор «на колган» заделал...

У меня всё задрожало внутри от предчувствия чего-то необыкновенного. Так бывает, когда я смотрю фильм с участием Петра Алейникова.

– Вызывает, значит, нас, Митрич, парторг совхоза Пётр Боярчук и говорит: «Пора вам, ребята, на путь вставать. Давайте включайтесь в соцсоревнование. Награду обещаю и Доску почёта». Начиналась пахота, ну и впряглись мы с Иваном как следует в это дело. У меня-то моя «железяка» – ничего, тянет потихоньку. А у Ивана глохнет и глохнет. Магнето у него в тракторе дерьмо было. Ну, ты сам, Митрич, знаешь, что я в моторах волоку будь здоров. Я на первых порах всё ему помогал, а потом мне это надоело. Да и самому была охота победить, в передовики выйти. Боярчук-то отрез на костюме обе-

щал, бостоновый. Ну и попёр я без оглядки на Ивана к финишу.

В последний день это было нашего долбанного соревнования. У Ивана снова его дрэк заглох. Он весь аж побелел. Я, правда, завёл ему технику и дальше чешу на всю железку, закругляюсь на своей полосе. А у него снова глохнет и глохнет. И вот добил я свою деляну, допахал. Вперёд Ивана сделал норму. А Ванька всё возится со своей техникой. Ему хоть бы доделать – и то ладно. Пыхтел он, пыхтел у мотора, постоял в каком-то раздумье и вдруг слышу: «А-а-а, волчара позорный, в натуре-и-и», – и бабах башкой в капот трактора.

Верись, Митрич, аж гул над полем пошёл. А сам качнулся и сел в пахоту. Я подлетел, а у него слёзы вперемешку с кровью текут. Я кричу: «Иван, ты что, уху сегодня ел?!» А он уткнулся лицом в ладони и плачет, аж плечи дрожат. Вот такое, Митрич, соревнование. И смех, и грех... Ну а за первое место я получил тёмно-синий отрез бостона на костюм. Это же мечта всех парней тогда была. В этом костюме потом и женился. А Ваньку тоже отметили, подарили коробку с разными одеколонами и носки хорошие. Потом, после армии, мы с ним на шахту подались, а остальную нашу жизнь ты, Митрич, и сам знаешь, детей наших учил.

